БОГДАНОВ

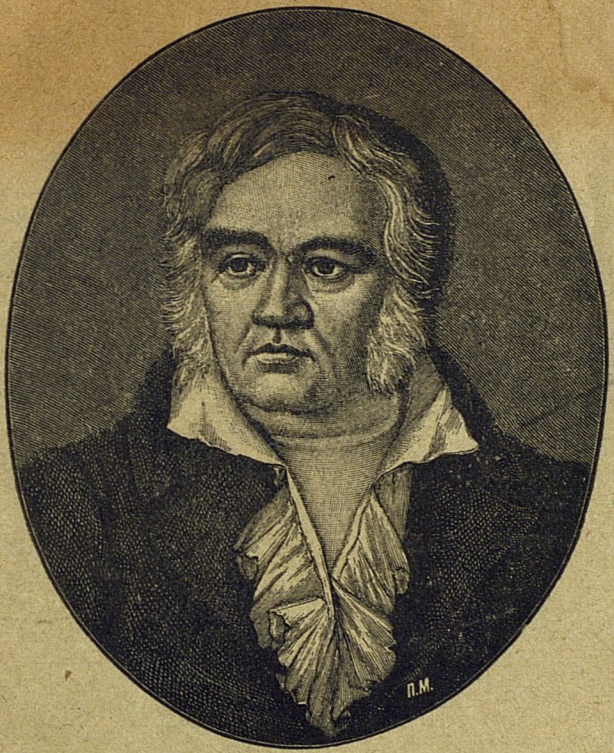
ДЕДУШКА КРЫЛОВ

V 94/552

552

П. БОГДАНОВЪ.

Дѣдушка Крыловъ



БІОГРАФИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

Москва—1914.
Изданіе книжнаго склада М. В. Клюкина. Ваганьковскій пер., д. № 9.

Изданія книгопродавца М. В. Клюкина.

ДОБРЫЯ ДУШИ.

Чтеніе для дѣтей и для народа.

№ 1. **Смирновъ, Ил.** „Утро". Разск. съ рис., ц. 5 к.

№ 2. **Васильевъ, М.** „Наша бабушка Анна Максимовна", ц. 3 к.

№ 3. **Н. С.** „Дядя Титъ Антоновичъ учитъ, какъ надо любить ближняго", ц. 5 к.

№ 4. **Оржешко, Эл.** „Приключеніе Яся". Разск. для дѣтей. Съ 5 рис., ц. 10 к.

№ 5. **Кругловъ, А. В.** „Зеленый домикъ". Правдивая исторія. Съ рис. Изд. 2-е, ц. 5 к

№ 6. **Васильевъ, М.** „Нелюдимый." Разсказъ-быль. Съ 3 рис., ц. 5 к.

№ 7. **Михаловскій, Д. Л.** „Доброе слово пастыря". Эпизодъ изъ временъ отечеств. войны. Съ 1 рис. Изд. 3-е, ц. 3 к.

№ 8. **Сальниковъ.** „Антонъ Рыбакъ". Разск. съ 3 рис., ц. 5 к.

№ 9. **Васильевъ, М. І.** „На Шалыгѣ". П. „Въ перелѣскѣ". Два разск. Съ 6 рис., ц. 5 к.

№ 10. **Его-же.** „Простой человѣкъ". Разск. Съ 3 рис., ц. 5 к.

№ 11. **Сысоевъ, В.** Васяткино письмо. Разск. Съ рис., ц. 3 к.

№ 12. **Филипповъ, Н. Н.** „Св. Стефанъ, епископъ Пермскій". Истор. разск. Съ 2 рис. Изд. 3-е, ц. 3 к.

№ 13. **Смирновъ, Ил.** „Деревенская школа". Разск. Съ рис., ц. 20 к.

№ 14. **Ладыженскій, В. О.** „На пашнѣ". Разск. и сказ. Съ 3-мя рис., ц. 7 к.

№ 15. **Филипповъ, Н. Н.** „Защитники и молитвенники земли русской". Истор. разск., ц. 5 к.

№ 16. **Покровскій, И.** „Послѣ раздѣла". Разск. Съ 2 рис. Изд. 2-е ц. 5 к.

№ 17. **Соловьевъ - Несмѣловъ. Н. А.** „Душевный человѣкъ". Разск. ц. 3 к.

№ 18. **Кругловъ, А. В.** „Елка въ царствѣ звѣрей". Разск. съ 5-ю рисунк. Изд. 2-е, ц. 5 к.

№ 19. **Его же.** „Божій человѣкъ". Разск., ц. 10 к.

№ 20. **Амичисъ.** Апеннины и Анды. Пов., ц. 15 к.

№ 21. **Позняковъ, Н.** „Трофимъ Болящій". Разсказъ. Съ рис. Изд. 2-е, ц. 5 к.

№ 22. **Полевой, Н. А.** „Дѣдушка русскаго флота". „Параша-Сибирячка", ц. 15 к.

№ 23. **Его же.** „Повѣсть о Суздальскомъ князѣ Симеонѣ", ц. 15 к.

№ 24. **Уйда.** „Приключеніе маленькаго графа". Разск. Съ 3 рис. ц. 15 к.

№ 25. **Додэ, Ал.** Изъ писемъ съ мельницы, ц. 20 к.

№ 26. **Ж. Зандъ.** Крылья мужества, ц. 15 к.

№ 27. **Карамзинъ.** Повѣсти, ц. 20.

№ 28. **Его же.** „Наталья боярская дочь", ц. 5 к.

№ 29. **Митропольскій.** „Мятель". Съ рис., ц. 3 к.

№ 30. **Андерсенъ.** „Гадкій утенокъ". Съ рис., ц. 5 к.

П. БОГДАНОВЪ.

Дѣдушка Крыловъ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

Съ рисунками.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
ХШ-33537
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

Москва—1914.
ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО СКЛАДА М. В. КЛЮКИНА.
Ваганьковскій пер., д. № 9.

2010515018

ТИПОГРАФІЯ В. И. ВОРОНОВА. МОХОВАЯ, ПР. МАНЕЖА, Д. КН. ГАГАРИНА.

Дѣдушка Крыловъ.

I.

Былъ 1772-ой годъ.

Уже нѣсколько дней, какъ жители Яицкаго Городка*) были въ сильной тревогѣ.

Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ было не тревожиться, когда по полученнымъ свѣдѣніямъ на Яицкій Городокъ наступалъ со своими полчищами самъ Пугачевъ.

Огромную орду бѣглыхъ крестьянъ, взбунтовавшихся уральскихъ казаковъ, татаръ, бѣглыхъ солдатъ и всякаго сброду велъ за собою самозванецъ.

И противъ этой-то орды долженъ былъ выстоять Яицкій Городокъ.

Не великъ былъ гарнизонъ этого городка.

Но зато этотъ гарнизонъ былъ крѣпокъ духомъ.

Помощникъ начальника укрѣпленія, Андрей Прохоровичъ Крыловъ, бѣдный армейскій офицеръ, недавно переведенный сюда изъ Москвы, былъ душою гарнизона.

И глядя на него, становились храбрѣе и другіе.

Когда въ описуемый день Андрей Прохоровичъ вышелъ на улицу, его сразу окружила толпа горожанъ и

*) Теперь г. Уральскъ.

съѣхавшихся изъ ближайшихъ мѣстъ людей, боявшихся Пугачева.

— Что новаго, Андрей Прохоровичъ? Какъ дѣла? Нѣтъ ли вѣстей? — раздались со всѣхъ сторонъ вопросы.

Крыловъ улыбнулся.

— Новаго? — отвѣтилъ онъ.—Пугачевцы уже близко. Сегодня, вѣроятно, къ вечеру насъ обложатъ.

— Спаси Господи! Оборони Богъ! Не устоять намъ. Ему и побольше города сдавались, — снова раздались голоса.

— Ну, а мы не сдадимся, — твердо отвѣтилъ Крыловъ. — Пусть онъ что хочетъ дѣлаетъ, а я его сброда не боюсь и на нашу крѣпость надѣюсь. Не одолѣть насъ самозванцу и вору. Да у его сброда и оружія-то подходящаго нѣтъ. А у насъ, слава Богу, и ружья и пушки есть, есть чѣмъ постоять за себя.

Эти слова успокоительно подѣйствовали на толпу.

Въ самомъ дѣлѣ, не даромъ же Крыловъ казался такимъ спокойнымъ!

Поговоривъ еще немного, Крыловъ пошелъ къ укрѣпленіямъ.

Гарнизонъ былъ на мѣстахъ.

Стрѣлки, къ которымъ присоединились съ оружіемъ въ рукахъ много горожанъ и пріѣзжихъ, и пушкари уже были совершенно готовы встрѣтить врага.

Осмотрѣвъ укрѣпленія, Крыловъ сѣлъ около одной изъ пушекъ и задумался.

Онъ вспомнилъ про свою жену, сына Ваню, которыхъ онъ, отправляясь въ Яицкій Городокъ, оставилъ въ Оренбургѣ.

Когда-то ихъ прійдется теперь увидѣть?

Да и удастся ли еще увидѣть?

Андрей Прохоровичъ вздохнулъ, взглянулъ въ даль и быстро всталъ на ноги.

Онъ увидѣлъ человѣкъ шесть всадниковъ, карьеромъ скакавшихъ къ городу, а на горизонтѣ—огромное облако пыли.

— Они!—подумалъ Андрей Прохоровичъ.

Не прошло и получаса, какъ весь городъ уже зналъ о приближеніи пугачевцевъ.

Вѣсть эту привезли тѣ самые всадники, которыхъ видѣлъ Андрей Прохоровичъ.

По ихъ словамъ сила Пугачева была огромная.

Въ городѣ поднялась тревога.

Женщины и дѣти плакали, люди метались безъ толку, нѣкоторые совѣтовали сдаться безъ боя и встрѣтить Пугачева, какъ настоящаго царя.

Масса народа сбилась на площади.

Но вотъ среди этого народа появился Андрей Прохоровичъ.

Онъ былъ совершенно спокоенъ.

Переходя съ мѣста на мѣсто, онъ сталъ успокаивать народъ.

— Ну, чего вы боитесь?— говорилъ онъ хладнокровно. — Приступомъ Пугачеву не взять города. А осады бояться нечего. Провіанту у насъ хватитъ надолго, а тамъ, глядишь, царицыны войска подойдутъ. Неужели же намъ измѣнниками стать, забыть присягу и крестъ вору цѣловать?

Эти слова успокоили народъ.

Многіе тутъ же рѣшили биться вмѣстѣ съ солдатами, и Андрей Прохоровичъ, образовавъ изъ нихъ отряды, снабдилъ ихъ оружіемъ и распредѣлилъ по мѣстамъ.

А толпы пугачевцевъ, какъ черныя тучи, надвигались все ближе и ближе.

II.

— Мама, а, мама, а гдѣ Пугачевъ?—съ любопытствомъ спрашивалъ свою мать Ваня Крыловъ.

— Охъ, близко онъ отъ насъ!—вздыхала жена Андрея Прохоровича.

— А онъ большой? Онъ страшный?– любопытствовалъ мальчикъ.

— Хуже лютаго звѣря,—отвѣтила мать.

— А зачѣмъ вонъ тамъ деревня горитъ?— не умолкалъ Ваня.

— Пугачевъ, разбойникъ, поджегъ.

— А папа съ нимъ драться поѣхалъ?

Бѣдная женщина при этихъ словахъ тихо смахнула съ глазъ слезу.

Ей было извѣстно, что уже второй мѣсяцъ Пугачевъ держитъ въ осадѣ Яицкій Городокъ, тщетно пытаясь взять его.

Еще надняхъ получила она письмо отъ мужа.

„Великая у разбойника орда, да только толку изъ нея нѣтъ,— писалъ Андрей Прохоровичъ.—Нѣсколько разъ мятежники на насъ приступомъ ходили и съ большимъ уономъ отбиты были. А разбойникъ Пугачевъ на меня столь золъ, что объявилъ, что смертью казнитъ всѣхъ васъ, какъ Оренбургъ возьметъ. Осады мы не боимся, только провіанту мало. Ну, да авось царскія войска скоро подойдутъ“.

Конечно, Ваня не понималъ серьезности положенія: онъ былъ еще слишкомъ малъ, — родился онъ 2-го февраля 1768 года, такъ что во время осады Яицкаго Городка ему было едва четыре года.

Пугачева онъ представлялъ себѣ чуть не какимъ-то страшнымъ звѣремъ, а пожары очень нравились мальчику.

А время шло.

Незамѣтно протекло еще два съ лишнимъ мѣсяца.

И, наконецъ, пришло извѣстіе, что Пугачевъ пойманъ, а его полчища развѣяны.

Такъ и не одолѣлъ Пугачевъ Яицкаго Городка.

III.

— А вотъ и я!— проговорилъ однажды Андрей Прохоровичъ, входя въ квартиру, въ которой жила его семья.

Жена радостно бросилась къ нему въ объятія.

— Папа! Папа пріѣхалъ!— закричалъ радостно Ваня.

И, вскочивъ съ мѣста, онъ бросился обнимать отца.

— А, карапузъ, здравствуй!—весело проговорилъ Андрей Прохоровичъ, подымая на руки и крѣпко цѣлуя сына.

— А Пугачева ты побилъ?—спросилъ Ваня.

— Побилъ,– отвѣтилъ весело отецъ.

— А пожары у васъ были?—продолжалъ разспрашивать Ваня.

— И пожары были,—улыбнулся Андрей Прохоровичъ.

И онъ сталъ разсказывать женѣ про время осады, про пугачевцевъ, про кровопролитные бои и про жизнь въ Яицкомъ Городкѣ.

Ваня тоже внимательно слушалъ разсказы отца, хотя многаго въ нихъ и не понималъ.

Прислуга тѣмъ временемъ накрыла столъ и подала обѣдъ.

И вся семья принялась за ѣду.

— Ну, а я теперь рѣшилъ бросить военную службу,— сказалъ послѣ обѣда Андрей Прохоровичъ.

— Что такъ?—спросила жена.

— Здоровье разстроилъ, да и усталъ, — проговорилъ Андрей Прохоровичъ.—Надо службу полегче поискать да и Ванюшу надо учить. А тутъ все походы да походы.

— Это правильно,—замѣтила жена.

— Поѣдемъ въ Тверь, тамъ и будемъ жить,—продолжалъ Андрей Прохоровичъ.—Городъ—родной, мѣсто подыскать мнѣ будетъ не трудно.

— И я поѣду,—вставилъ Ваня.

— Ну, конечно, и ты,—засмѣялся Андрей Прохоровичъ.

Здоровье Андрея Прохоровича было, дѣйствительно, сильно разстроено и требовало хорошаго отдыха и лѣченія.

Спустя нѣсколько дней, Андрей Прохоровичъ подалъ въ отставку.

И когда отставка, наконецъ, была принята, онъ, забравъ жену и сына, отправился въ Тверь.

IV.

Прошло около трехъ лѣтъ съ той поры, какъ семейство Крылова поселилось въ Твери.

Андрею Прохоровичу посчастливилось.

Ему удалось найти порядочную службу, и онъ былъ вскорѣ послѣ пріѣзда назначенъ на мѣсто предсѣдателя губернскаго магистрата.

Тутъ, служа на одномъ мѣстѣ, Андрей Прохоровичъ вмѣстѣ съ женой принялся за воспитаніе сына.

Черезъ годъ послѣ переѣзда въ Тверь, у Крылова ро-

дился другой сынъ, Лева, и у Вани такимъ образомъ появился крошка-братецъ.

Въ это время Ванѣ было уже восемь лѣтъ.

Правда, Андрей Прохоровичъ и самъ-то былъ не очень образованъ и зналъ только читать да писать, но все же онъ и его жена стали учить Ваню тому, что знали.

Ваня былъ не очень прилеженъ.

И мать его волей-неволей должна была пускаться на хитрости, чтобы заставить сына учиться.

— Вотъ будешь хорошо сегодня учиться, я тебѣ копейку дамъ, — говорила она обыкновенно. — А ты такъ денежки скопишь, да себѣ что-нибудь хорошее и купишь.

Ваня не прочь былъ получить копейку или грошъ.

Онъ удваивалъ старанія, выучивалъ урокъ и получалъ обѣщанное вознагражееніе за ученіе.

Но мать вовсе не желала, чтобы ея сынъ былъ жаденъ къ деньгамъ.

И когда у него накапливалась значительная сумма, она заставляла его покупать какую-нибудь полезную вещь, какъ, напримѣръ, картузъ, перчатки, бумагу или что-нибудь другое.

Но горе уже ждало Ваню.

Не прошло и полныхъ трехъ лѣтъ съ той поры, какъ семья Крыловыхъ поселилась въ Твери, какъ Андрей Прохоровичъ сталъ хворать все больше и больше.

Болѣзнь его приняла плохой оборотъ.

И въ одинъ прекрасный день его не стало.

Ивану шелъ въ это время десятый годокъ, а Левѣ исполнилось два года.

Большимъ ударомъ была эта утрата для семьи.

И послѣ смерти Андрея Прохоровича, его семья осталась безъ всякихъ средствъ.

V.

Тяжелые дни настали для семьи Крылова.

Но умная, энергичная, простая, хотя и не получившая никакого воспитанія женщина, Крылова не испугалась.

И она, перебиваясь всѣми способами, все же не только кормила и одѣвала своихъ дѣтей, но и заботилась объ образованіи Вани.

— Эхъ, мальчикъ, хоть бы ты французскому языку выучился, — часто говорила она сыну. —Нынѣ французскій языкъ въ большой модѣ. Всѣ богатые и знатные люди учатся французскому языку.

Денегъ у бѣдной женщины однако не было.

Но и тутъ она ухитрилась.

У нея былъ знакомый помѣщикъ и знатный вельможа, нѣкій Львовъ.

Онъ зналъ хорошо Андрея Прохоровича и уважалъ его.

Однажды мать Вани пришла къ нему и стала просить его, чтобы онъ позволилъ ея Ванѣ присутствовать на урокахъ французскаго языка, когда гувернеръ-французъ даетъ ихъ дѣтямъ Львова.

— Пускай приходитъ, я ничего не имѣю противъ, — согласился Львовъ.

Поблагодаривъ Львова, она, обрадованная удачей, возвратилась домой.

— Ну, Ваня, твое счастье: теперь ты будешь ходить къ Львову и учиться вмѣстѣ съ его дѣтьми французскому языку, — объявила она.

И съ этой поры Ваня Крыловъ сталъ ходить къ Львовымъ.

Но не только французскому языку учился мальчикъ.

По-русски онъ читалъ бойко.

И страсть къ чтенію все усиливалась въ немъ.

Да къ тому же книгъ у Вани теперь было много.

Андрей Прохоровичъ былъ большимъ любителемъ чтенія.

И куда бы онъ только ни ѣздилъ, онъ всегда возилъ съ собою большой сундукъ съ книгами.

Вотъ этотъ-то сундукъ съ книгами и достался Ванѣ послѣ смерти отца.

И все свободное время Ваня Крыловъ проводилъ за чтеніемъ этихъ книгъ.

Но занятія съ французомъ не манили его.

Однажды онъ вернулся домой очень разстроенный.

— Что это съ тобою?—спросила его мать.

— А то, что не хочу я учиться съ французомъ, — отвѣтилъ мальчикъ. — Зачѣмъ онъ все говоритъ, что я бѣдный, а дѣти Львова богатыя, и мнѣ нужно подчиняться имъ.

Только съ большимъ трудомъ удалось матери уговорить Ваню продолжать ходить на уроки французскаго языка.

Но съ этой поры Ваня еще больше невзлюбилъ эти уроки.

Однако пользу отъ нихъ онъ все же извлекъ не малую.

Во время этихъ уроковъ, онъ познакомился съ французскими сатирическими произведеніями и настолько овладѣлъ французскимъ языкомъ, что могъ дѣлать съ этого языка переводы.

И въ юномъ Крыловѣ мало-по-малу стала развиваться страсть къ насмѣшкѣ.

Ваня былъ развитъ не по лѣтамъ.

Много читая, онъ узнавалъ то, чего далеко не знали

его болѣе богатые сверсники, и его развитіе благодаря этому шло быстро впередъ.

Росла въ Ванѣ и наблюдательность.

Онъ любилъ вращаться среди народа, посѣщалъ базары, ярмарки, пожары, кулачные бои, ко всему внимательно приглядывался и прислушивался къ разсказамъ простого народа.

Часто выходилъ онъ гулять на берегъ Волги, гдѣ собирались горожане и крестьяне.

И невольно Ваня все больше и больше вдумывался въ смыслъ жизни.

Тяжела была жизнь Вани.

Уже двѣнадцати лѣтъ отъ роду онъ поступилъ писцомъ въ тверской магистратъ.

Жалованіе онъ получалъ, конечно, ничтожное и это жалованіе мало помогало его матери.

Бѣдная женщина напрасно писала прошенія въ Петербургъ о помощи.

Не добившись толку, она, наконецъ, собралась въ путь и вмѣстѣ съ сыновьями переѣхала въ Петербургъ.

И тутъ бѣдная женщина употребила всю свою энергію, чтобы добыть сыну мѣсто.

Наконецъ, Иванъ Крыловъ получилъ мѣсто въ казенной палатѣ, съ окладомъ двадцать пять рублей въ годъ.

На эти деньги въ тѣ времена можно было кое-какъ существовать.

VI.

Книгопродавецъ Брейшкопфъ сидѣлъ у себя въ магазинѣ, когда въ магазинъ вошелъ полумальчикъ, полуюноша, со свертком бумаги въ рукѣ.

Это былъ Иванъ Крыловъ, которому было теперь пятнадцать съ лишнимъ лѣтъ.

— Я... я принесъ рукопись, — робко проговорилъ Иванъ.

— Чью?— коротко спросилъ Брейшкопфъ.

— Мою,— отвѣтилъ Иванъ.

Брейшкопфъ съ удивленіемъ взглянулъ на мальчика.

— Вы... сочиняете?—спросилъ онъ.

— Да, это моя первая вещь,— отвѣтилъ Иванъ.

— Хорошо, посмотрю,— сказалъ Брейшкопфъ. — Зайдите черезъ нѣсколько дней.

Крыловъ ушелъ и терпѣливо сталъ ждать.

Вообще за послѣднее время онъ сталъ еще больше читать, пристрастился къ театру и сталъ самъ пробовать свои силы въ писаніи.

Спустя нѣсколько дней Иванъ Крыловъ снова зашелъ къ Брейшкопфу.

Брейшкопфъ встрѣтилъ Крылова очень ласково.

— А! Это вы— авторъ «Кофейницы»! — заговорилъ онъ.— Читалъ, читалъ ваше произведеніе. Недурно написано. Я могу предложить вамъ за это сочиненіе шестьдесятъ рублей.

Сердце Крылова такъ и запрыгало отъ радости.

Онъ и не ожидалъ такого успѣха.

Получивъ деньги, Крыловъ простился съ Брейшкопфомъ и радостный вернулся домой.

Скоро вѣсть о его успѣхѣ распространилась между его сослуживцами, и съ этихъ поръ всѣ стали относиться къ нему съ гораздо большимъ уваженіемъ.

VII.

Успѣхъ написанной имъ комедіи «Кофейницы» заставилъ Крылова серьезно заняться литературой.

Онъ бросилъ службу и сталъ писать.

Онъ успѣлъ скопить кое-какія деньжонки.

Еще незадолго до смерти матери, Иванъ написалъ пьесу «Клеопатра», а затѣмъ «Филамелу».

Но оба эти произведенія не имѣли успѣха.

Тогда Крыловъ написалъ двѣ комедіи «Бѣшеная семья» и «Сочинитель въ прихожей».

Въ этихъ комедіяхъ онъ осмѣивалъ моду заимствованія у иностранцевъ страсти къ модамъ и нарядамъ.

Робко принесъ онъ эти сочиненія директору театра Соймонову.

Но велика была радость молодого Крылова, когда Соймоновъ объявилъ ему, что беретъ его «Бѣшеную семью».

Съ этой минуты Соймоновъ сталъ явно покровительствовать Крылову.

И однажды, прійдя отъ Соймонова домой, Иванъ Крыловъ радостно объявилъ ей:

— Ну, мама, поздравь меня. Я перехожу на службу въ канцелярію Ея Величества съ повышеніемъ оклада жалованія.

Но не долго прожила послѣ этого труженица-мать.

Вскорѣ послѣ этого она умерла, оставивъ на рукахъ юнаго Крылова младшаго его брата, Льва, и Крылову пришлось усиленно работать, чтобы прокормить себя и брата.

Его все сильнѣе и сильнѣе тянуло къ писательской

дѣятельности. Чтобы быть свободнымъ для занятій литературой, онъ бросилъ службу.

А тутъ кстати подвернулась для покупки по дешевой цѣнѣ небольшая типографія.

И Крыловъ сталъ издавать въ ней журналы.

— Вотъ когда я чувствую себя прекрасно,—говорилъ часто будущій знаменитый баснописецъ.

Сначала онъ самъ сталъ издавать журналъ «Зритель», потомъ журналъ «С.-Петербургскій Меркурій».

Но оба эти журнала, равно какъ и всѣ крупныя произведенія Крылова большого успѣха не имѣли.

И издательство дало ему лишь возможность перезнакомиться и частью подружиться съ лучшими литературными силами Россіи и завести связи.

Зато въ его журналахъ можно было нерѣдко прочесть ядовитую сатиру.

Талантъ его развивался все болѣе и болѣе.

VIII.

— А, Иванъ Андреевичъ!—весело воскликнулъ князь Голицынъ, увидавъ вошедшаго къ нему въ его барскую усадьбу, въ Саратовской губерніи, Ивана Андреевича Крылова.—Вотъ хорошо, что пріѣхалъ.

Знатный и богатый вельможа временъ императрицы Екатерины Великой, князь Голицынъ очень любилъ Крылова.

— Соскучился безъ вашего сіятельства,—улыбнулся, здороваясь съ княземъ, Крыловъ.

— Въ отпускъ?—спросилъ Голицынъ.

— Въ отставку,—отвѣтилъ Крыловъ.

— А журналы?— снова спросилъ Голицынъ.— Садись-ка, разсказывай, пока на столъ накроютъ.

Крыловъ сѣлъ противъ князя и сталъ ему разсказывать все по порядку.

Изъ этихъ разсказовъ оказалось, что Крыловъ бросилъ издательскую дѣятельность, продалъ типографію, поступилъ на службу, но, прослуживъ лишь короткое время, подалъ въ отставку.

— А теперь я здѣсь,—закончилъ Крыловъ свой разсказъ.

Князь Голицынъ былъ очень радъ пріѣзду Крылова.

Онъ любилъ Ивана Андреевича, какъ веселаго и остроумнаго собесѣдника.

И съ этого дня онъ остался жить въ имѣніи князя.

Не только умнымъ, веселымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ былъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

Онъ обладалъ и многими другими талантами.

Такъ, онъ прекрасно игралъ на скрипкѣ, очень хорошо понималъ живопись и среди художниковъ считался серьезнымъ цѣнителемъ.

Но не только одно хорошее было въ немъ.

Были у него въ характерѣ и дурныя черты.

Такъ, напримѣръ, одно время онъ очень увлекался азартной карточной игрой и ради этой игры разъѣзжалъ по ярмаркамъ, гдѣ купцы и откупщики вели крупную игру.

Это былъ періодъ нехорошій въ его жизни.

Онъ иногда выигрывалъ много денегъ, но также быстро спускалъ ихъ или проигрывалъ.

Но скоро Крыловъ убѣдился въ томъ, что картежная игра—пагубная страсть, что она разоряетъ людей, разшатываетъ ихъ здоровье и притупляетъ умъ и сердце.

А человѣкъ онъ былъ съ сильной волей.

Онъ взялъ себя въ руки и разъ навсегда бросилъ карточную азартную игру и жизнь игроковъ.

Но даже и эта разсѣянная жизнь не осталась безъ пользы для Крылова.

Умный и впечатлительный, онъ познакомился съ разными людьми, изучилъ людскія страсти и пороки и еще болѣе позналъ жизнь.

Оставшись гостить у князя Голицына, Иванъ Андреевичъ не проводилъ праздно время.

Чтобы чѣмъ-нибудь отблагодарить князя за гостепріимство, онъ сталъ давать его дѣтямъ уроки русскаго языка.

И тутъ, на лонѣ природы, онъ сталъ писать свои знаменитыя басни.

Сначала онъ заимствовалъ свои басни у извѣстнаго французскаго баснописца Лафонтена.

Одною изъ первыхъ была имъ написана басня «Дубъ и трость» (1806 годъ).

Кто изъ дѣтей не знаетъ этой басни, въ которой могучій дубъ кичился своей крѣпостью передъ гибкой тростинкой.

До сихъ поръ онъ съ жалостью и презрѣньемъ смотрѣлъ на тонкую тростинку.

Но тростинка была довольна своей судьбой.

И когда дубъ кичливо расхвастался передъ нею, она просто отвѣтила ему:

„Не за себя я вихрей опасаюсь,
„Хоть я и гнусь, но не ломаюсь,
„Такъ бури мало мнѣ вредятъ;
„Едва ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ!“

И слова тростинки сбылись:

„Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
„Взребѣлъ и вырвалъ съ корнемъ вонъ
„Того, кто небесамъ главой своей касался
„И въ области тѣней пятою упирался".

Въ томъ же году написалъ Крыловъ басни: «Разборчивая невѣста», «Ворона и лисица», «Лягушка и волъ», «Ларчикъ», «Левъ на ловлѣ», «Обезьяны», «Пустынникъ и медвѣдь», «Стрекоза и муравей», «Лисица и виноградъ», «Слонъ и моська» и другія.

Хорошо извѣстны всѣ эти басни дѣтямъ.

Да не только дѣтямъ, но и взрослымъ.

Онъ бичевалъ въ баснѣ «Ворона и лисица» способность людей поддаваться лести, благодаря которой выигрываютъ лишь льстецы.

Попалъ воронѣ кусочекъ сыра.

И вотъ лиса начинаетъ восхвалять вороньинъ голосъ прося ее спѣть.

Поддалась ворона лести.

И вотъ:

„Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
„Отъ радости въ зобу дыханье сперло,
„И на привѣтливы лисицины слова
„Ворона каркнула во все воронье горло.
„Сыръ выпалъ, съ нимъ была плутовка такова! "

Или чѣмъ не хороша басня «Лягушка и волъ», въ которой Крыловъ высмѣиваетъ маленькихъ по разуму людей, которые воображали, что могутъ сравняться, если напыжатся, съ великими людьми?

Такъ и его лягушка хотѣла сравняться въ дородности съ воломъ.

Да не вышло!

„И кончила моя затѣйница на томъ
„Что, не сравнявшися съ воломъ,
„Съ натуги лопнула и околѣла".

Ѣдкимъ смѣхомъ высмѣивалъ онъ людей, ихъ пороки и недостатки.

Зло осмѣялъ онъ тѣхъ людей, которые безъ умѣнья берутся дѣлать другимъ услуги, которыя идутъ людямъ только во вредъ.

Это послѣднее выразилось въ баснѣ «Пустынникъ и медвѣдь».

Эту мысль онъ высказываетъ въ предисловіи къ баснѣ:

„Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
„Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
„Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
„Услужливый дуракъ—опаснѣе врага".

Такъ вышло и съ пустынникомъ, который сдѣлалъ глупаго медвѣдя другомъ.

Медвѣдь былъ радъ всячески услужить пустыннику, но что подѣлаешь, когда у него не хватало на это ни ума ни смекалки.

Вотъ легъ разъ пустынникъ на лугу, послѣ гулянія, а Мишенька сѣлъ его сторожить.

И видитъ вдругъ:

„У друга на носъ муха сѣла.
„Онъ друга обмахнулъ;
„Взглянулъ,
„А муха на щекѣ. Согналъ—а муха снова
„У друга на носу,
„И неотвязчивѣй часъ отъ часу.
„Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
„Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ.

„Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
„Самъ думаетъ: „молчи-жъ, ужъ я тебя, воструху!"
„И у друга на лбу подкарауливъ муху,
„Что силы есть– хвать друга камнемъ въ лобъ!
„Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался
„И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался".

Иванъ Андреевичъ осмѣивалъ всякіе пороки.

Въ баснѣ «Стрекоза и муравей», Иванъ Андреевичъ устами муравья укоряетъ людей за лѣнь, беззаботность, праздность, легкомысліе.

Люди съ такими пороками часто забываютъ о будущемъ, не трудятся, ничѣмъ не обезпечиваютъ себя на черный день.

Что есть – протратятъ, а что будетъ — о томъ не думаютъ.

И поэтому такіе люди часто попадаютъ въ бѣду.

И трудолюбивый муравей, который на черное время, то-есть на зиму, успѣлъ себѣ устроить запасы, устыхавъ рѣчь легкомысленной стрекозы, которая все лѣто, вмѣсто того чтобы работать, только пѣла, а теперь голодаетъ, выноситъ ей суровый приговоръ:

„Ты все пѣла? Это дѣло!
„Такъ пойди же попляши".

Коротка, но хороша зато вышла у Крылова басня «Лисица и виноградъ».

Не мало на свѣтѣ людей, которые похожи на лисицу.

Иному что-нибудь очень нравится, онъ эту вещь купилъ бы или взялъ съ удовольствіемъ, потому что вещь дѣйствительно хороша.

Но часто, если у человѣка нѣтъ достаточно денегъ, или вообще онъ—почему бы то ни было—не въ состояніи

пріобрѣсти вещь, онъ съ досады начинаетъ хулить ее съ плеча, хотя въ душѣ и сознаетъ, что вещь дѣйствительно хороша.

Такъ же и лиса, видя, что ей не достать до зрѣлыхъ гроздей винограда, съ досады начала хулить виноградъ:

— „Ну что жъ,
„На взглядъ-то онъ хорошъ,
„Да зеленъ—ягодки нѣтъ зрѣлой;
„Тотчасъ оскомину набьешь".

Каждая басня Ивана Андреевича отличалась остроуміемъ.

Нѣкоторое время Иванъ Андреевичъ скрывалъ свой новый, вѣрнѣе, настоящій талантъ.

И тщательно отдѣлывалъ свою работу.

А терпѣливъ онъ былъ удивительно.

Такъ, напримѣръ, басню «Дубъ и трость» онъ, какъ говорятъ, передѣлывалъ одиннадцать разъ и только послѣ этого остался ею доволенъ.

И вотъ, однажды онъ, взявъ съ собою написанныя басни, отправился въ Москву.

IX.

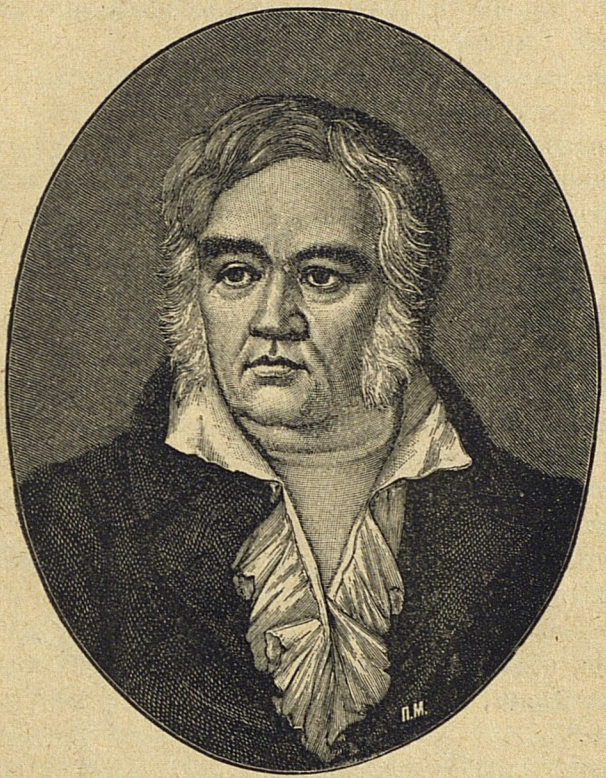
И. И. Дмитріевъ, извѣстный въ то время баснописецъ, жилъ въ это время въ Москвѣ.

Иванъ Андреевичъ былъ знакомъ съ нимъ.

И вотъ однажды онъ явился къ нему со своими баснями, которыя онъ заимствовалъ у Лафонтена.

Онъ ихъ только передѣлалъ и чудесно приноровилъ къ русской жизни.

— А! Иванъ Андреевичъ! Что новаго? — радостно встрѣтилъ Крылова Дмитріевъ.



И. А. Крыловъ.

— Да вотъ, басенки вамъ на судъ принесъ, — отвѣтилъ, здороваясь съ Дмитріевымъ, Крыловъ.

Они вошли въ кабинетъ хозяина, и Дмитріевъ тутъ же попросилъ Крылова прочесть ему нѣсколько басенъ.

Крыловъ читалъ мастерски.

Оба писателя усѣлись около письменнаго стола, и Крыловъ, доставъ тетрадь, принялся за чтеніе.

Чѣмъ больше читалъ Крыловъ, тѣмъ внимательнѣе становился Дмитріевъ.

Видно было, что басни Крылова сильно интересуютъ его.

А Крыловъ все читалъ и читалъ.

Наконецъ, послѣдняя басня была прочтена, и Крыловъ вопросительно взглянулъ на Дмитріева.

Дмитріевъ быстро поднялся съ мѣста, подошелъ къ Крылову и крѣпко пожалъ ему руку.

— Это истинный вашъ родъ (родъ сочиненій)! Наконецъ-то вы нашли его!—проговорилъ онъ.

Крыловъ сильно обрадовался этому отзыву.

Вѣдь въ то время Дмитріевъ считался лучшимъ и очень извѣстнымъ въ Россіи баснописцемъ.

Съ гораздо большимъ уваженіемъ смотрѣлъ теперь Дмитріевъ на Крылова.

Онъ уже видѣлъ въ Крыловѣ великаго баснописца, будущую гордость Россіи.

Въ этотъ день Крыловъ долго оставался у Дмитріева.

— Вы обязательно должны издать отдѣльной книжкой ваши басни,—посовѣтовалъ на прощаніе Дмитріевъ Крылову.

Крыловъ улыбнулся.

— Попробую,— отвѣтилъ онъ.

И, простившись съ Дмитріевымъ, Крыловъ ушелъ.

X.

Съ этой поры Крыловъ усердно сталъ работать надъ баснями.

Но все же, несмотря на прежнія неудачи, Иванъ Андреевичъ еще нѣсколько разъ пробовалъ сочинять комедіи.

— Попробую еще разъ, — сказалъ онъ самъ себѣ.

И вскорѣ изъ-подъ его пера появились одна за другой двѣ комедіи.

«Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ».

Въ обѣихъ этихъ комедіяхъ Крыловъ высмѣиваетъ вредное вліяніе французскаго воспитанія и глупое обольщеніе французами вообще и ихъ языкомъ.

— Небось, какой-нибудь французишка у себя въ барабанщикахъ жилъ или въ портняжкахъ былъ, а у насъ въ хоромахъ у вельможъ тонъ задаетъ и наши дѣти во всемъ съ него примѣръ должны брать,—часто насмѣшливо говорилъ Крыловъ.

Эти двѣ комедіи, написанныя Крыловымъ, ставились даже въ театрѣ и имѣли среди публики нѣкоторый успѣхъ.

Но славѣ Крылова онѣ не способствовали.

Главнымъ недостаткомъ въ нихъ было то, что въ нихъ не было настоящей русской жизни, и какъ ни какъ, а онѣ были напыщены и герои въ нихъ были какіе-то неестественные.

Иванъ Андреевичъ и самъ чувствовалъ это.

И когда кто-нибудь изъ знакомыхъ литераторовъ или выдающихся актеровъ критиковалъ или даже считалъ негоднымъ какое-либо изъ его сочиненій, Крыловъ ничуть не обижался и иногда тутъ же рвалъ свою рукопись.

Онъ умѣлъ оставлять въ сторонѣ свое авторское самолюбіе, когда это было нужно.

Наконецъ, Крыловъ вспомнилъ дружескій совѣтъ Дмитріева.

Онъ сталъ подыскивать типографію.

Кое-какія сбереженія у него были.

Одно было плохо, — басенъ написанныхъ было еще очень мало.

Но Крыловъ не остановился передъ этимъ.

И вотъ, въ 1809-омъ году, Крыловъ издалъ маленькую книжечку, въ которой было всего двадцать три его басни.

Это былъ первый шагъ по той дорогѣ, на которой его ждала неувядаемая слава.

Крыловъ издалъ свой трудъ и теперь ждалъ результата.

И результатъ не замедлилъ выясниться.

XI.

Прошло очень немного времени.

А о Крыловѣ уже заговорила вся столица.

Маленькія его книженки раскупались нарасхватъ, ихъ читали и въ дворцахъ и въ хижинахъ бѣдняковъ, ими зачитывались не только дѣти, но и взрослые, басни Крылова заучивались наизусть.

Знать наизусть басни Крылова считалось признакомъ образованности.

Талантъ русскаго баснописца ярко засіялъ.

О немъ заговорили во всѣхъ концахъ, на его книжки стали приходить требованія изъ Москвы и изъ провинціи.

Ни одна русская книжка не расходилась въ Россіи

такъ быстро и въ такомъ количествѣ, какъ тоненькая книжечка съ баснями Крылова.

Высшее общество такъ сильно заинтересовалось Крыловымъ, что Иванъ Андреевичъ сталъ моднымъ гостемъ.

Онъ былъ положительно душою общества.

И всѣ нарасхватъ спѣшили пригласить къ себѣ на обѣды, ужины и вечера Ивана Андреевича.

Когда его не видно было на какомъ-нибудь званомъ вечерѣ, всѣ чувствовали, словно кого-то въ домѣ не хватало.

Иванъ Андреевичъ, впрочемъ, и не отказывался отъ большинства приглашеній.

Человѣкъ онъ былъ общительный, любившій общество, да и поѣсть онъ любилъ.

Только вкусъ у него былъ простой.

Онъ любилъ тяжелыя, русскія блюда.

Любилъ онъ щи, кашу, борщъ, поросенка и тому подобныя кушанья.

И всѣ старались угодить ему именно этими кушаньями.

А Иванъ Андреевичъ Крыловъ все продолжалъ и продолжалъ писать свои басни.

Все въ новыхъ и новыхъ изданіяхъ, дополняемыхъ новыми баснями, выходили книжки Крылова.

И все время эти книги разбирались нарасхватъ.

Наконецъ, Крыловъ былъ приглашенъ и ко двору.

Тутъ его встрѣтили лаской и вниманіемъ.

Очень любилъ читать басни Крылова императоръ Александръ Павловичъ.

Но еще больше любила Крылова мать императора, вдовствующая императрица Марія Феодоровна.

И часто она звала Крылова пообѣдать съ нею запросто.

Послѣ обѣда Крыловъ обыкновенно читалъ императрицѣ свои басни.

Читалъ онъ такъ — словно просто говорилъ, и этимъ его чтеніемъ интересовались всѣ слушатели.

XII.

Былъ вечеръ.

Домъ князя Шаховского, управляющаго казенными театрами, уже былъ освѣщенъ.

Одинъ за другимъ съѣзжались гости.

Но хозяинъ и хозяйка были въ тревогѣ.

Собрались всѣ, кромѣ Ивана Андреевича Крылова.

— Ну, кажется, можно и къ чайному столу просить,— сказалъ князь, обращаясь къ своей женѣ.

Княгиня удивленно открыла глаза.

— Это безъ Ивана-то Андреевича?—отвѣтила она.— Нѣтъ ужъ, уволь. Я за нимъ ужъ посылала казачка. Онъ сейчасъ будетъ.

И точно, не успѣла княгиня проговорить это, какъ въ комнату вошелъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

— Прощенья прошу князя и княгини, — заговорилъ онъ, улыбаясь.

— Заждались уже,—отвѣтила княгиня.

Иванъ Андреевичъ развелъ руками.

— Ничего не подѣлаешь, со вчерашняго дня голова болитъ,—отвѣтилъ онъ.

— Что такъ?—участливо спросилъ князь Шаховской.

— А это я уже разскажу поподробнѣе,—смѣясь, отвѣтилъ Крыловъ.

Гости окружили его.

И веселой гурьбой всѣ отправились пить чай.

Но за чаемъ князь Шаховской вспомнилъ фразу Крылова.

— Такъ у васъ, Иванъ Андреевичъ, отъ вчерашняго дня голова болитъ?—спросилъ онъ.

— Болитъ,—отвѣтилъ, улыбаясь, Крыловъ.

— Что же, или легли поздно?

— Нѣтъ, былъ на «бесѣдѣ любителей русской словесности»,—отвѣтилъ Иванъ Андреевичъ.

Громкій смѣхъ раздался вокругъ баснописца.

Эти «бесѣды» организовались въ Петербургѣ въ 1811-омъ году.

На этихъ «бесѣдахъ» обыкновенно присутствующіе читали свои произведенія.

Нѣкоторыя, и даже большинство этихъ произведеній, были страшно длинныя и скучныя.

И больше всѣхъ скучалъ на этихъ вечерахъ Крыловъ, терпѣть не любившій бездарностей.

Единственно, кого онъ любилъ слушать на этихъ вечерахъ, такъ это Державина, чьи оды приводили его въ восторгъ.

Державинъ стоялъ во главѣ этихъ «бесѣдъ».

Но большинство авторовъ были страшно скучны.

И нерѣдко случалось, что Иванъ Андреевичъ преспокойно засыпалъ во время чтеній.

— И навѣрно вы ужъ что-нибудь да сочинили со вчерашняго вечера?—спросилъ князь Шаховской.

— Что жъ, я и впрямь сочинилъ,—просто отвѣтилъ Иванъ Андреевичъ.

Среди гостей послышался шопотъ.

И вдругъ, словно сговорившись, всѣ стали просить Ивана Андреевича, чтобы онъ прочелъ свою новую басню.

Иванъ Андреевичъ улыбнулся.

— Прочесть можно,—отвѣтилъ онъ.

И, вынувъ изъ кармана листикъ бумажки, Крыловъ принялся читать басню «Демьянова уха».

Всѣ примолкли.

А Крыловъ ровнымъ, чисто разговорнымъ голосомъ читалъ свою басню, въ которой описывалъ, какъ сосѣдъ Демьянъ позвалъ на уху сосѣда Фоку.

Бѣдный Фока давно уже насытился ухой, но неотвязный Демьянъ все продолжалъ угощать его.

Уже три тарелки съѣлъ Фока, а Демьянъ все не отставалъ.

И все потчивалъ:

„Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
„Вотъ—лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ.
„Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!“

Собрался Фока съ послѣдней силой и съѣлъ еще одну тарелку до дна.

Но Демьянъ не унимался.

Онъ снова сталъ подчивать сосѣда.

Но тутъ:

„ . . . . бѣдный Фока мой,
„Какъ не любилъ уху, но отъ бѣды такой,
„Схвативъ въ охапку
„Кушакъ и шапку,
„Скорѣй безъ памяти домой,
„И съ той поры къ Демьяну ни ногой“.

Громъ аплодисментовъ прервалъ чтеніе Крылова.

Большинство слушателей поняли, что эта басня относится именно къ «бесѣдамъ любителей русской словесности»,

на которыхъ авторы-неудачники угощали Крылова своими сочиненіями, какъ Демьянъ ухой Фоку.

Но вотъ Крыловъ окончилъ свою басню слѣдующими строками:

„Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь;
„Но если помолчать во-время не умѣешь,
„И ближняго ушей ты не жалѣешь,
„То вѣдай, что твои и проза и стихи
„Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи".

Все общество сразу повеселѣло.

Раздался шумъ, смѣхъ, шутки, каждый, кто запомнилъ хоть нѣсколько строкъ изъ этой басни, повторялъ ихъ.

И такъ бывало всюду.

Куда бы ни являлся Крыловъ, онъ всюду веселилъ общество чтеніемъ своихъ басенъ и своимъ прирожденнымъ юморомъ.

Время до ужина прошло очень весело.

Сначала говорили о литературѣ.

Но потомъ разговоръ перешелъ на Наполеона Бонапарта, который въ то время своими побѣдами занималъ всѣ умы.

Крыловъ тоже интересовался Наполеономъ.

— Быть бѣдѣ, быть,—говорилъ онъ.

И онъ впослѣдствіи оказался правымъ.

Потомъ всѣ отправились въ столовую, гдѣ былъ уже сервированъ ужинъ.

За ужиномъ Крылову подавали его любимыя тяжелыя блюда, и онъ ѣлъ все, что ему ни давали, съ большимъ аппетитомъ.

И только поздно вечеромъ всѣ, очень довольные проведеннымъ временемъ, разошлись по домамъ.

XII.

Наступилъ 1812-ый годъ.

И однажды Иванъ Андреевичъ рѣшилъ снова поступить на службу.

Теперь онъ былъ уже не простымъ смертнымъ, а человѣкомъ извѣстнымъ, любимцемъ общества, и поэтому ему не трудно было получить мѣсто такое, какое было ему по душѣ.

И онъ, по его желанію, былъ назначенъ помощникомъ библіотекаря только что открывшейся въ Петербургѣ Императорской публичной библіотеки.

— Вотъ это дѣло по мнѣ,—говорилъ онъ часто.

И, служа на новомъ мѣстѣ, Крыловъ все продолжалъ писать свои басни.

А событія тѣмъ временемъ шли своимъ чередомъ.

Началась Отечественная война.

Непобѣдимый до тѣхъ поръ Наполеонъ Бонапартъ привелъ въ Россію свои полчища и, идя слѣдомъ за отступающими русскими войсками, все подвигался къ Москвѣ.

Наконецъ, главнокомандующимъ былъ назначенъ Кутузовъ.

Но и Кутузовъ продолжалъ отступать.

Въ обществѣ росло неудовольствіе, всѣ были недовольны безконечнымъ отступленіемъ.

XIII.

Однажды Крыловъ зашелъ въ домъ своего покровителя, начальника Публичной библіотеки, вельможи Оленина. Онъ очень любилъ эту семью.

Да и семья Оленина любила его не меньше и вполнѣ искренно.

— Вотъ и Иванъ Андреевичъ, — весело встрѣтилъ самъ Олининъ Крылова.

Они прошли въ столовую и вскорѣ принялись за чаепитіе.

Олининъ вдругъ нахмурился.

— Ну, Иванъ Андреевичъ, плохи, братецъ, вѣсти,— заговорилъ онъ.

— А что?—спросилъ Крыловъ.

— Да что тамъ говорить! На Кутузова всѣ надѣялись, а онъ все отступаетъ, все медлитъ, — заговорилъ хмуро Олининъ.—Армія въ бой рвется, а Кутузовъ все не даетъ генеральнаго сраженія.

Крыловъ усмѣхнулся.

— А я такъ думаю, батюшка, что намъ объ этомъ и безпокоиться не нужно,— отвѣтилъ онъ.—Вотъ я даже и басенку про это написалъ.

— Басенку? — развеселился Олининъ. — А ну-ка, почитай, почитай, послушаемъ, что ты тамъ новаго намудрилъ? Жена! Иди-ка, послушаешь новую басенку!

— Ну, почитайте, Иванъ Андреевичъ,—съ улыбкой, проговорила жена Оленина, входя въ комнату и садясь за столъ.

— Послушайте, да смекните,—отвѣтилъ Крыловъ.

Съ этими словами Иванъ Андреевичъ вынулъ изъ кармана листъ бумаги и сталъ читать:

„ОБОЗЪ".

„Съ горшками шелъ обозъ,
„И надобно съ крутой горы спускаться;
„Вотъ на горѣ другихъ оставя дожидаться,
„Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
„Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
„Катиться возу не давая;
„А лошадь сверху молодая
„Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
„Ай, конь хваленый! То-то диво!
„Смотрите: лѣпится какъ ракъ!"

Молодая лошадь критиковала каждый шагъ опытнаго коня.

А между тѣмъ, старый опытный конь, не обращая на нее никакого вниманія, благополучно скатилъ возъ съ горы.

А горячая, молодая лошадь храбро понеслась подъ гору.

Возъ раскатился, сталъ напирать, сталъ толкать храбрую лошадку.

„Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
„На славу:
„По камнямъ, рытвинамъ! Пошли толчки,
„Скачки!..
„Лѣвѣй, лѣвѣй, и съ возомъ—бухъ въ канаву!
„Прощай хозяйскіе горшки".

И Крыловъ закончилъ свою басню поученіемъ:

„Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту же:
„Все кажется въ другомъ ошибкой намъ;
„А примешься за дѣло самъ,
„Такъ напроказишь вдвое хуже".

Крыловъ кончилъ чтеніе и съ улыбкой посмотрѣлъ на Оленина.

— Ну, что? Кутузовъ-то конь старый, опытный, возъ везетъ и горшковъ зря не перебьетъ, — проговорилъ онъ.

Воцарилось молчаніе.

— А что же, можетъ быть, ты и правъ,— задумчиво проговорилъ, наконецъ, Оленинъ.— Хорошо написана твоя басня.

— Очень хорошо,— похвалила и жена Оленина.

— Вели-ка переписать эту басню,— сказалъ Оленинъ.— Надо будетъ ее государю прочитать.

Пасмурное настроеніе его послѣ этого какъ-то исчезло. На душѣ сдѣлалось легче, веселѣе.

И, разговорившись, Оленинъ, улыбаясь, замѣтилъ Крылову:

— Вотъ что значитъ — ты пришелъ! Сразу на душѣ иначе стало.

И поговоривъ еще немного, хозяева съ гостемъ сѣли за ужинъ.

XIV.

А время все шло и шло.

Одно за другимъ чередовались событія.

Русскіе отступали отъ Бородина, Наполеонъ занялъ Москву, но Наполеонъ не видѣлъ конца войны.

Онъ думалъ, что со взятіемъ Москвы, императоръ согласится на выгодный для него, Наполеона, миръ, но вышло иначе.

Русскій императоръ и не думалъ о мирѣ.

Онъ далъ торжественное обѣщаніе до тѣхъ поръ не кончать войны, пока послѣдній изъ непріятелей не покинетъ Россіи.

Наполеонъ попалъ въ западню.

Напрасно онъ заговаривалъ о мирѣ.

Кутузовъ не признавалъ его предложеній.

И Крыловъ торжествовалъ.

То, что онъ думалъ о Кутузовѣ, его басня «Обозъ»— сбылась.

И Крыловъ часто говорилъ своимъ друзьямъ:

— Попалъ волкъ на псарню, теперь ему не сдобровать.

Мысль его работала безъ устали.

Крыловъ всегда вращался въ обществѣ, зналъ все и на все откликался.

Этими откликами были его басни.

Такъ и теперь.

Видя отчаянное положеніе Наполеона, онъ написалъ свою басню «Волкъ на псарнѣ».

Ярко написалъ онъ эту басню.

„Волкъ ночью, думая попасть въ овчарню,
„Попалъ на псарню.
„Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
„Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
„Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку"...

Въ этихъ строкахъ Крыловъ намекалъ, конечно, на народное ополченіе и войска, которыя, дѣйствительно, рвались въ бой.

И вотъ, псари заперли ворота.

Псаремъ Крыловъ, конечно, называлъ Кутузова.

Увидѣлъ волкъ (Наполеонъ), что дѣло его худо, что

пришелъ ему конецъ, и вздумалъ было пуститься на хитрость.

И говоритъ Наполеонъ, словами волка:

„...Друзья! Къ чему весь этотъ шумъ?
„Я вашъ старинный сватъ и кумъ,
„Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
„Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ,
„А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
„Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
„И волчьей клятвой утверждаю,
„Что я...“

Но ловчій (Кутузовъ) не пошелъ на увѣренія волка. И въ отвѣтъ кратко объявилъ ему:

„Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
„И волчью вашу я давно натуру знаю;
„А потому обычай мой:
„Съ волками иначе не дѣлать мировой,
„Какъ снявши шкуру съ нихъ долой.
„И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю“.

Изъ этой басни видно, какъ живо слѣдилъ Крыловъ за событіями и какъ мѣтко подмѣчалъ онъ все, что происходило.

Даже больше, онъ—пророчествовалъ.

Съ захватывающимъ интересомъ зачитывались люди его баснями.

Имя Крылова было теперь у всѣхъ на устахъ, лучшіе писатели читали ему первому свои сочиненія и были счастливы, когда Иванъ Андреевичъ хвалилъ ихъ.

XV.

Плохо пришлось французамъ въ Москвѣ.

Большая часть города была сожжена самими же русскими, всѣ деревни и села кругомъ были тоже сожжены и брошены жителями.

А вмѣстѣ съ сожженными постройками погибли и огромные запасы провіанта и всевозможныхъ съѣстныхъ припасовъ, на которые надѣялся Наполеонъ.

И положеніе Наполеона заставило написать Крылова новую басню.

Однажды у одного изъ пріятелей Крылова собралось порядочное общество и среди знакомыхъ явился и самъ Крыловъ.

Въ то время мнѣніе о Кутузовѣ уже измѣнилось.

Теперь всѣ видѣли отчаянное положеніе Наполеона и всѣ какъ бы воспрянули духомъ.

Когда хозяинъ дома заговорилъ объ этомъ съ Крыловымъ, Иванъ Андреевичъ съ улыбкой пожалъ плечами.

И, вынувъ изъ кармана скомканную бумаженку, онъ началъ читать свою басню «Ворона и курица».

Въ этой баснѣ описывалось, какъ въ то время, какъ Кутузовъ, давъ отпоръ врагу, покинулъ столицу Москву, всѣ жители стали покидать этотъ городъ. Почуяла опасность и курица.

И вотъ, курица, собираясь покинуть Москву, разговорилась съ вороной, недоумѣвая, почему ворона тоже не уходитъ изъ Москвы.

Но ворона думала, что французы будутъ въ Москвѣ сыты.

„Мнѣ что до этого за дѣло? (отвѣчаетъ ворона).
„Я здѣсь останусь смѣло.
„Вотъ ваши сестры—какъ хотятъ;
„А вѣдь воронъ ни жарятъ, ни варятъ.
„Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться;
„А можетъ быть, еще удастся поживиться
„Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь".

Да только попала ворона впросакъ.

Голодъ не тетка, за неимѣніемъ куръ и мяса, французы питались чѣмъ ни попало.

„Но вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
„Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей,
„Она сама къ нимъ въ супъ попалась".

Этой басней Крыловъ осмѣивалъ и самого Наполеона. Это сказывается въ послѣднихъ строкахъ этой басни:

„Такъ часто человѣкъ въ расчетахъ слѣпъ и глупъ:
„За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься,
„А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься—
„Попался, какъ ворона въ супъ".

Всѣ признали эту басню превосходной.

Не успѣлъ окончить чтеніе Крыловъ, какъ вокругъ него раздался громъ аплодисметовъ.

Всѣ были въ восторгѣ.

— Такъ-то, государи мои, — проговорилъ Крыловъ, кончая и пряча въ карманъ свою рукопись.

Басня эта произвела на всѣхъ прекрасное впечатлѣніе.

Ее отобрали отъ Ивана Андреевича, перечитали вслухъ нѣсколько разъ и лишь въ концѣ вечера возвратили ему обратно.

XVI.

Миновали для Россіи времена нашествія Наполеона.

Померкла звѣзда императора Франціи.

Но звѣзда Ивана Андреевича Крылова продолжала сіять все ярче и ярче.

Онъ все продолжалъ писать свои басни, и каждая изъ нихъ приводила читателей въ восторгъ.

Государь Александръ Павловичъ и его мать, императрица Марія Феодоровна, продолжали оказывать Крылову всякія милости.

Государь Александръ Павловичъ повелѣлъ прибавить ему жалованіе изъ собственныхъ своихъ царскихъ суммъ.

Кромѣ этого онъ подарилъ Крылову нѣсколько драгоцѣнныхъ подарковъ и даже далъ ему денегъ на изданіе басенъ.

Но вотъ на престолъ вступилъ императоръ Николай Павловичъ.

Еще будучи наслѣдниковъ престола, Николай Павловичъ и его супруга, Александра Феодоровна, дарили своимъ вниманіемъ Крылова.

И императрица часто присылала Ивану Андреевичу, въ знакъ своего вниманія, цвѣты.

Это вниманіе очень трогало Крылова.

Но вотъ какъ-то Иванъ Андреевичъ захворалъ.

Болѣзнь оказалась серьезной, и Иванъ Андреевичъ слегъ въ постель.

Но хотя онъ и былъ теперь прикованъ болѣзью къ постели, однако друзья не забывали его.

Всѣ друзья и знакомые навѣщали больного, развлекая его и утѣшая—кто какъ могъ.

Вѣсть о тяжелой болѣзни Крылова дошла и до императрицы.

И тотчасъ же императрица распорядилась о томъ, чтобы къ Крылову былъ посланъ экипажъ, на которомъ Крыловъ долженъ былъ быть перевезеннымъ въ Павловскъ.

Приказаніе ея было исполнено.

Иванъ Андреевичъ былъ перевезенъ въ Павловскъ.

И съ этого дня, по приказу императрицы къ Крылову стали ходить лучшіе придворные доктора.

Крылова окружили самыми нѣжными заботамл.

И благодаря этому, здоровье Ивана Андреевича стало быстро поправляться.

И наконецъ, Иванъ Андреевичъ окончательно оправился.

Заботливость императрицы произвела на него сильное впечатлѣніе.

Могъ ли онъ ожидать этого? Онъ — простой смертный?

И въ трогательно-нѣжныхъ стихахъ онъ вылилъ свою благодарность той, которая возвратила его къ жизни.

Вотъ въ какихъ стихахъ вылилась благодарность Крылова:

„Въ глуши расцвѣтшій василекъ
„Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины,
„И, голову склоня на стебелекъ,
„Уныло ждалъ своей кончины...
„Но солнышко взошло, природу освѣтило,
„По царству Флорину (по царству растительности) разсыпало лучи,
„И бѣдный василекъ, завянувшій въ ночи,
„Небеснымъ взоромъ оживило".

Въ этихъ стихахъ Иванъ Андреевичъ вылилъ всю свою благодарность и нѣжную признательность императрицѣ за ея доброту и заботливость о немъ.

Конечно, подъ скромнымъ васильком онъ подразумѣвалъ самого себя, а подъ солнцемъ—императрицу.

XVII.

Время шло.—

А Крыловъ все продолжалъ писать свои басни, и слава его продолжала расти.

Императоръ Николай Павловичъ время отъ времени оказывалъ ему свое высокое благоволѣніе.

И однажды Иванъ Андреевичъ узналъ, что государь приказалъ сдѣлать его бюстъ и поднесъ его въ подарокъ наслѣднику.

Этотъ поступокъ до слезъ тронулъ старика Крылова.

Иванъ Андреевичъ былъ вообще очень незлобивъ и добродушенъ, страшно хладнокровенъ и не любилъ попусту суетиться.

Разсказываютъ, что однажды, когда случился по сосѣдству пожаръ и къ Крылову прибѣжали люди, прося его скорѣе выбираться изъ дому и сносить свои вещи, Крыловъ хладнокровно отвѣчалъ:

— Не дойдетъ.

И не двинувшись съ мѣста, онъ продолжалъ сидѣть въ своемъ креслѣ, куря любимую сигару.

Уже нѣсколькими изданіями вышли басни Ивана Андреевича.

Каждое новое изданіе дополнялось новыми баснями и быстро расходились въ продажѣ.

А между тѣмъ Иванъ Андреевичъ все старѣлъ и старѣлъ.

А по мѣрѣ того, какъ подходила старость, онъ дѣлался все лѣнивѣе.

Служба начинала все больше и больше тяготить его.

Ему нравилось больше часами лежать на диванѣ и думать свои думы или наблюдать за птицами, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ.

А ужъ и любилъ же Иванъ Андреевичъ птицъ.

По цѣлымъ часамъ могъ онъ сидѣть въ комнатѣ и глядѣть на открытое окно, на подоконникъ котораго слетались его пернатые любимцы.

Среди птицъ были и такія, которыя безбоязненно влетали въ самую комнату и клевали тамъ кормъ, который Иванъ Андреевичъ посыпалъ имъ прямо на полъ и на ковры.

О чистотѣ своей квартиры Иванъ Андреевичъ заботился мало, равно какъ и о своихъ рукописяхъ и письменномъ столѣ.

На его письменномъ столѣ былъ настоящій хаосъ.

Для писанья онъ хваталъ первую попавшуюся подъ руку бумажку, писалъ на ней и затѣмъ по разсѣянности скомкивалъ и совалъ въ карманъ.

Когда ему нужно было вечеромъ закурить сигару, онъ бралъ со стола первую попавшуюся бумажку и зажигалъ ее.

Благодаря этому много рукописей у него пропадало.

Но Иванъ Андреевичъ не унывалъ.

Кромѣ лѣности, Крыловъ обладалъ и другимъ плохимъ качествомъ.

Эта черта его была – разсѣянность.

Крыловъ былъ такъ разсѣянъ, что иногда на службѣ,

отдавъ приказаніе, вспоминалъ о немъ лишь много лѣтъ спустя.

Онъ часто и самъ смѣялся надъ своей разсѣянностью.

XVIII.

Наконецъ, Иванъ Андреевичъ дѣйствительно усталъ.

— Ну, довольно,—сказалъ онъ самъ себѣ.—Теперь можно и отдохнуть.

И онъ подалъ въ отставку.

Государь, уважая талантъ великаго баснописца, наградилъ его очень большой пенсіей.

Съ этой пенсіей Крыловъ могъ безбѣдно жить до самой смерти.

Но не очень затѣйливый, Иванъ Андреевичъ еще во время службы успѣлъ скопить порядочно деньжонокъ.

И на эти-то деньги онъ и пріобрѣлъ себѣ домъ.

Говорятъ, что при этой покупкѣ помогъ ему одинъ купецъ, котораго Крыловъ даже не зналъ.

Но купецъ просто пожелалъ сдѣлать пріятное великому баснописцу.

Онъ взялся передѣлывать и ремонтировать купленный Крыловымъ домъ и не только ничего не наживалъ отъ этой работы, но наоборотъ, бралъ съ Крылова за всѣ работы и матеріалы вдвое меньше, чѣмъ они обошлись ему самому.

Старикъ Крыловъ, чтобы не обидѣть купца, который дѣлалъ это отъ чистаго сердца, долженъ былъ согласиться съ этимъ.

Вообще Крылова всѣ любили.

Онъ былъ въ такой славѣ, что матери показывали его

дѣтямъ, желая, чтобы образъ великаго баснописца получше запечатлѣлся въ дѣтской памяти.

Каждый дорожилъ знакомствомъ съ Иваномъ Андреевичемъ.

И многіе считали за честь сдѣлать ему какой-нибудь подарокъ.

Не желая огорчать своихъ почитателей, Крыловъ добродушно принималъ всѣ эти подношенія.

— Везетъ мнѣ,—смѣялся онъ часто.

XIX.

Но у Крылова была одна глубокая привязанность.

Это была привязанность къ своему младшему брату.

Левъ Андреевичъ служилъ офицеромъ въ одномъ изъ армейскихъ полковъ, гдѣ-то далеко въ провинціи, и не имѣлъ возможности видѣться съ братомъ.

Но между ними никогда не прекращалась самая душевная переписка.

Бѣдному офицеру было, конечно, трудно жить на одно жалованіе.

Но Иванъ Андреевичъ часто посылалъ ему деньги, и братъ поэтому жилъ не нуждаясь.

Зато и Левъ Андреевичъ не только гордился своимъ знаменитымъ братомъ, но и любилъ его такъ, какъ можетъ любить только сынъ обожаемаго отца.

Письма свои къ Ивану Андреевичу Левъ Андреевичъ начиналъ всегда словами:

Милый батюшка, любезный тятенька, братецъ".

Далеко были другъ отъ друга братья, но все же каждый изъ нихъ чувствовалъ, что онъ не одинокъ, что вдали объ одномъ думаетъ и вспоминаетъ другой.

Но вотъ какъ-то Иванъ Андреевичъ получилъ письмо. По обыкновенію онъ посмотрѣлъ на штемпель.

— Отъ братца,—подумалъ съ улыбкой Иванъ Андреевичъ.

И онъ распечаталъ письмо.

Но лишь только онъ прочелъ первыя строки письма, какъ руки его безсильно опустились, самъ онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и письмо выпало изъ его рукъ.

Нѣсколько минутъ старикъ какъ-то растерянно смотрѣлъ въ пространство.

— Умеръ...— прошепталъ онъ, наконецъ, чуть слышно.

Онъ словно въ забытьѣ провелъ рукой по волосамъ.

Потомъ тихо нагнулся, дрожащими руками поднялъ письмо и сталъ читать дальше.

Да, Левъ Андреевичъ умеръ.

И въ этомъ письмѣ Ивана Андреевича извѣщали о смерти его единственнаго брата.

Страшная тоска охватила Ивана Андреевича.

Теперь онъ остался совершенно одинокимъ.

Смерть единственнаго и горячо любимаго брата сильно подѣйствовала на Ивана Андреевича.

Онъ сталъ тосковать, потерялъ аппетитъ и сонъ, замѣтно сталъ уединяться, улыбка совершенно исчезла съ его лица.

Онъ осунулся и похудѣлъ.

Конечно, его друзья замѣтили эту перемѣну.

— Что это съ вами, Иванъ Андреевичъ?—часто спрашивали друзья.

Но Иванъ Андреевичъ отмалчивался.

— Такъ, ничего, хандра напала,—отвѣчалъ онъ.

Ему не хотѣлось ни съ кѣмъ дѣлиться своимъ горемъ.

И онъ таилъ свое горе въ самомъ себѣ.

Такъ таилъ онъ свое горе цѣлыхъ три недѣли.

И только спустя три недѣли, когда Оленина спросила его участливо:

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Андреевичъ, чего это вы такъ сильно убиваетесь?

Крыловъ грустно отвѣтилъ:

— У меня былъ родной братъ, единственное существо на свѣтѣ, связанное со мною кровными узами. Недавно онъ умеръ. Теперь я остался одинъ.

И Крыловъ грустно поникъ головой.

Долго утѣшала его Оленина, доказывая ему, что онъ далеко не одинъ, что онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ друзьями и всеобщей любовью.

Эти слова хоть немножко успокоили Ивана Андреевича.

Но все же онъ долго не могъ возвратить прежній покой и до самой своей смерти не переставалъ думать о своемъ умершемъ братѣ.

XX.

А время все шло и шло.

Съ каждымъ годомъ Иванъ Андреевичъ все больше полнѣлъ и старился.

Цѣлыми часами лежалъ онъ на своемъ широкомъ диванѣ, думалъ свои великія думы или присаживался за письменный столъ, чтобы записать на первомъ попавшемся листкѣ новую басню.

Сначала, обзаведшись собственнымъ домкомъ, онъ было принялся хлопотать надъ его отдѣлкой, ходилъ по магазинамъ, покупалъ посуду, картины, бронзу, ковры и мебель.

Его квартира приняла изящный, богатый видъ.

И Иванъ Андреевичъ даже устроилъ у себя званый обѣдъ, на которомъ присутствовали Оленины и другіе его друзья.

Но энергіи въ квартирѣ на образцовую чистоту и порядокъ у Крылова хватило не надолго.

Онъ снова забросилъ все.

Снова сталъ проводить время въ лежаніи на диванѣ.

Въ открытыя окна къ нему въ комнату прилетали его пернатые любимцы.

Они свободно прыгали и расхаживали по коврамъ и по письменному столу, грязнили все, а въ довершеніе всего пылью покрывали мебель.

Но Ивану Андреевичу это было совершенно безразлично.

Съ каждымъ годомъ количество басенъ Крылова увеличивалось.

Въ общемъ, Иванъ Андреевичъ, за всю свою жизнь написалъ двѣсти басенъ.

При жизни Ивана Андреевича, его послѣднее изданіе, въ которое вошло сто девяносто семь басенъ, вышло въ 1843-емъ году.

Милости и почетъ сыпались на Ивана Андреевича со всѣхъ сторонъ.

Императрица подарила ему брилліантовый перстень, ученыя общества и воспитательныя заведенія дѣлали его своимъ почетнымъ членомъ и награждали его дипломами.

Кажется, не было такого грамотнаго человѣка, который не читалъ басенъ Крылова.

Но эта слава не измѣнила Ивана Андреевича.

Онъ оставался такимъ же безхитростнымъ, безобиднымъ и простоватымъ, какъ и прежде.

Иногда онъ по вечерамъ уходилъ въ клубъ, гдѣ любилъ смотрѣть на билліардную игру.

А то отправлялся къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, откуда лишь послѣ сытнаго ужина возвращался домой.

XXI.

Былъ 1838-ой годъ.

Великолѣпный залъ дворянскаго собранія былъ роскошно убранъ.

Флаги, вензеля, гирлянды зелени и цвѣты украшали стѣны, на хорахъ въ ожиданіи гостей помѣстился хоръ военной музыки.

Одинъ за другимъ къ подъѣзду зданія подкатывали щегольскіе экипажи, изъ которыхъ вылѣзали по парадному разодѣтые мужчины и женщины.

Въ этотъ день въ залѣ Дворянскаго собранія должно было совершиться большое торжество, и теперь въ Дворянское собраніе спѣшили ученые, литераторы, артисты, художники, вельможи, гвардейскіе офицеры, представители купечества и прочій народъ.

Въ этотъ день долженъ былъ быть торжественный юбилей Ивана Андреевича Крылова, которому въ этотъ день исполнилось семьдесятъ лѣтъ.

А съ этимъ юбилеемъ совпалъ и пятидесятилѣтній юбилей писательской дѣятельности Крылова.

Все больше и больше народа становилось въ залѣ. Ждали юбиляра.

Но вотъ, наконецъ, въ залъ вошелъ и самъ маститый юбиляръ.

Грянулъ оркестръ, раздались громкіе аплодисменты и крики привѣтствія.

Кланяясь и пожимая руки, прошелъ старикъ Крыловъ черезъ толпу.

Всѣ глаза были устремлены на Ивана Андреевича.

Но вотъ воцарилась вдругъ тишина.

— Великіе князья пріѣхали,—пронеслось по собранію.

И въ залъ вошли великіе князья, Михаилъ Николаевичъ и Николай Николаевичъ.

Подойдя къ маститому юбиляру, они поздравили его отъ имени государя императора и государыни императрицы.

Это была великая честь.

На глазахъ маститаго юбиляра навернулись слезы.

Онъ до глубины души былъ тронутъ этимъ царскимъ вниманіемъ.

Послѣ великихъ князей, къ Ивану Андреевичу подошелъ министръ народнаго просвѣщенія.

Поздравивъ въ свою очередь юбиляра, онъ украсилъ его орденской звѣздой, которую пожаловалъ Крылову государь ко дню его юбилея.

Громъ музыки смѣшивался съ аплодисментами.

Послѣ этого кто какъ могъ привѣтствовалъ юбиляра.

Знаменитые поэты привѣтствовали Ивана Андреевича стихами, писатели, ученые и всѣ, кто хотѣлъ, привѣтствовали его рѣчами.

И, наконецъ, подъ громъ музыки и аплодисментовъ,

на голову великаго баснописца, какъ знакъ неувядаемой славы, былъ возложенъ лавровый вѣнокъ.

Красивымъ букетомъ стояли на хорахъ дамы.

И когда, послѣ окончанія торжества, совсѣмъ растроганный Иванъ Андреевичъ двинулся къ выходу, къ его ногамъ, устилая его путь, съ хоровъ посыпался дождь букетовъ и цвѣтовъ.

Дамы и дѣвушки провожали его цвѣтами.

Растроганный до глубины души, со слезами счастья и благодарности на глазахъ, шелъ Иванъ Андреевичъ по этому, усыпанному цвѣтами, пути.

А за нимъ шли другіе, подымая цвѣты.

Каждый хотѣлъ сохранить себѣ цвѣтокъ, въ память объ этомъ юбилеѣ.

XXII.

Было 9-ое ноября 1844-го года.

Тихо, хотя и людно, было въ домѣ Ивана Андреевича Крылова.

На мягкой постели въ своей спальнѣ лежалъ умирающій старикъ Крыловъ.

По временамъ изъ спальни выходили доктора, сообщавшіе многочисленнымъ друзьямъ Крылова объ его здоровьѣ.

Все хуже и хуже становилось Ивану Андреевичу.

Вотъ къ нему прошелъ его духовникъ.

И когда онъ вышелъ изъ спальни, среди собравшихся пронесся тихій шопотъ:

— Скончался.

Да, Иванъ Андреевичъ отошелъ въ вѣчность, на семьдесятъ седьмомъ году своей жизни.

XXIII.

Пышныя были похороны маститаго баснописца.

Государь Николай Павловичъ повелѣлъ отпустить изъ государственнаго казначейства на похороны маститаго баснописца девять тысячъ рублей.

И весь Петербургъ провожалъ тѣло усопшаго до кладбища Александро-Невской лавры, гдѣ и былъ погребенъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

Умеръ старикъ.

Умерло его тѣло, но не умерло имя его.

Послѣ его смерти по всей Россіи была объявлена подписка на сооруженіе ему памятника, и когда необходимая для этого сумма была собрана, великому баснописцу русскому былъ сооруженъ въ Петербургѣ, въ Лѣтнемъ саду, великолѣпный памятникъ.

Это былъ памятникъ «Дѣдушкѣ Крылову», «Любимому дѣдушкѣ».

Задумчиво смотритъ изваяніе Крылова, изображеннаго сидящимъ, съ книгою въ рукахъ, на пьедесталѣ.

А ниже изображены всѣ герои его басенъ, звѣри, птицы, рыбы и люди.

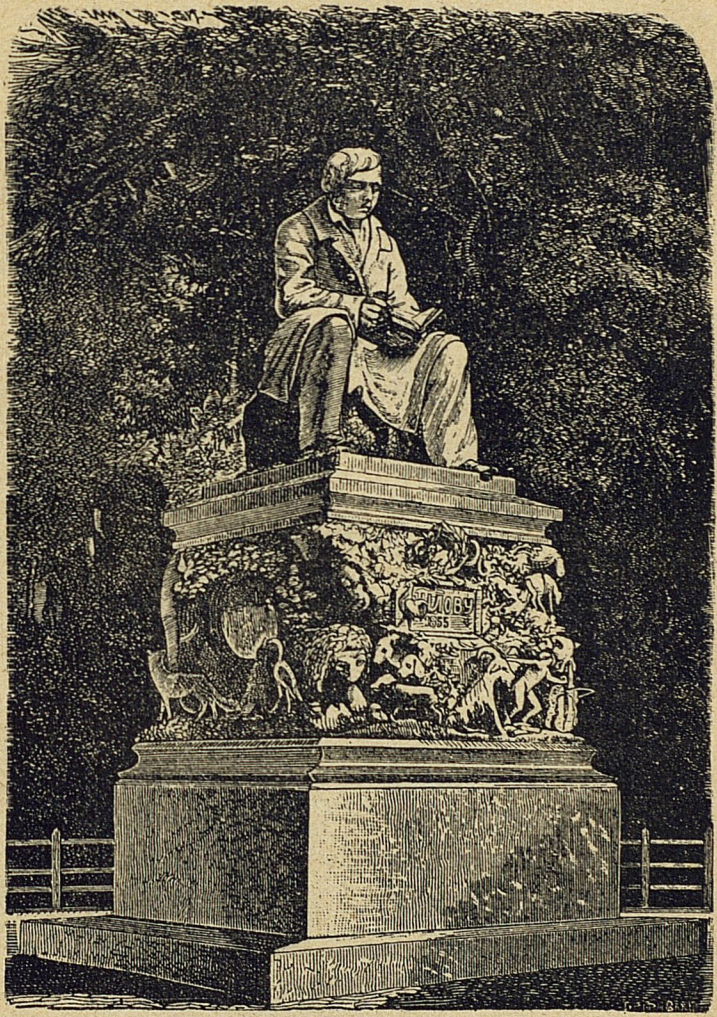
Давно уже стоитъ этотъ памятникъ.

А вокругъ него рѣзвятся дѣти.

Это ихъ любимое мѣсто.

Тутъ они смотрятъ на изваяніе «Дѣдушки Крылова», на «Любимаго дѣдушку».

И вспоминаютъ его прекрасныя басни, которыя они учатъ въ школахъ и дома, безъ которыхъ не обходится ни одна хрестоматія, которыя знаютъ и взрослые и дѣти.



Памятникъ И. А. Крылову въ Лѣтнемъ саду.

Да будетъ же честь нашему народу, давшему міру такого человѣка.

Память о немъ будетъ вѣчной и не померкнетъ никогда, какъ не меркнетъ на небѣ яркая, блестящая звѣзда.

Не долговѣченъ человѣкъ.

Но выдающагося человѣка слава переживетъ на долго-долго.

Такъ сталось и съ Иваномъ Андреевичемъ Крыловымъ.

КОНЕЦЪ.

№ 31. **Черскій.** „Св. Нина, просвѣтительница Грузіи". Изд. 2-е, ц. 5 к.

№ 32. **Его же.** „Св. Филаретъ Милостивый". Изд. 2-е, ц. 5 к.

№ 33. **Его же.** „Св. Елизавета Гюрингенская". Изд. 2-е. Съ 2 рис., ц. 5 к.

№ 34. **Его же.** „Божья воля". разск. ц. 5 к.

№ 35. **Лабулэ.** Петрушка, ц. 5 к.

№ 36. **Чеховъ, Ан.** Бѣлолобый, разск., Съ рисун. М. 99 г., ц. 3 к.

№ 37. **Бр. Гриммъ.** Золотой Гусь, Сказ. Съ рисун. М. 99 г., ц. 3 к.

№ 8. **Толстой. Л. Н.** Кавказскій плѣнникъ. Разск. съ рисун. М. 99 г. ц. 5 к.

№ 39. **Ксавье де-Местръ.** Параша Сибирячка. Истор. разск. Съ рис. М. 99 г. ц. 10 к.

№ 40. **Оржешко, Э.** Въ зимній вечеръ. Разск. ц. 10 к.

№ 41. **Ея же.** Могучій Самсонъ. Разск. М. 99 г., ц. 10 к.

№ 42. **Э. де-Амичисъ.** Отцовская сидѣлка. Разск. Съ 2 рис. М. 98 г. ц. 4 к.

№ 43. **Черскій, Л. Ф.** Подвигъ, грузинское преданіе. Изд. 2-е М. 99 г. ц. 5 к.

№ 44. **Его же.** „Милосердіе." Восточ. сказаніе, М. 99 г. ц. 5 к.

№ 45. **Его же.** „Солнышко Тоуэра." Ист. разск. Съ рис. М. 99 г. ц. 5 к.

№ 46. Стрѣлочникъ Лизъ. Изъ разск. Дженни Ледлоу. М. 99 г., ц. 5 к.

№ 47. **Юноша, Кн.** Дѣдушкинъ питомецъ. Разск. Съ рис., М. 99 г., ц. 15 к.

№ 48. **Додэ, Ал.** Козочка господина Сегена. М. 99 г., ц. 3 к.

№ 49. **Диккенсъ.** Скряга Скруджъ. Изд. 2-е. М. 99 г. ц. 20 к.

№ 50. **Э. де-Амичисъ.** Дѣвочка, спасшая поѣздъ. Разск. М. 99 г., ц. 3 к.

№ 51. **Разиной.** Первые подвижники земли Русской. М. 1900 г., ц. 10 к.

№ 52. **Разинъ.** Разоренный годъ, ц. 20 к.

№ 53. **Его же.** Гетманъ Степанъ Остряница, ц. 3 к.

№ 54. **Голова.** Петина просьба, ц. 5 к.

№ 55. **Козловъ.** Три поэмы, ц. 15 к.

№ 56. **Коринфскій.** Пасха царя Алексѣя, ц. 5 к.

№ 57. **По, Эд.** Золотой жукъ, ц. 10 к.

№ 58. **Золя, Э.** Любовь къ животнымъ, ц. 10 к.

№ 59. **Гребенка.** Записки студента. Путевыя записки зайца. ц. 15 к.

№ 60. **Толстой, Л. Н.** Гдѣ любовь, тамъ и Богъ, ц. 3 к.

№ 61. **Никольскій.** Послѣдняя пуля. Разсказъ, ц. 5 к.

№ 62. **Его же.** Михрютка. Разсказъ, ц. 10 к.

№ 63. **А. Сысоевъ. В.** Работникъ Ѳома, ц. 10. к.

№ 64. **Его же.** Счастье Онуфрича, ц. 10 к.

№ 65. **Иванинъ.** Денщикъ Лаврушка. Ист. разск., ц. 10 к.

№ 66. **Митропольскій.** Евпатій Коловратъ. Истор. разск. ц. 10 к.

№ 67. **Тепловъ.** Иванъ Калита, собиратель земли русской. Истор. очеркъ, ц. 10 к.

№ 68. **Э. де-Амичисъ.** Сынъ полка. Разсказъ, ц. 10 к.

№ 69. **Митропольскій.** Касьянъ одинокій. Разск., ц. 6 к.

№ 70. **Его же.** Смоленскъ въ 1812 году. Историч. разск., ц. 10 к.

№ 71. **Станюковичъ.** Ужасный день. Разск. съ рисунк., ц. 15 к.

№ 72. **Его же.** Человѣкъ за бортомъ. Разск. съ рисунк., ц. 10 к.

№ 73. **Его же.** Куцый. Разсказъ. Съ рисунк., ц. 10 к.

№ 74. **Соловьевъ, М.** Въ сельской школѣ. Разсказъ. Съ рисун. ц. 5 к.

№ 75. **Его же.** Отецъ Николай, изъ былого-прошлаго. Съ рисунк. ц. 10 к.

№ 76. **Васильевъ, М.** Ласточка. Изъ исторіи одной дѣвочки. Съ рис., ц. 5 к.

№ 77. **Митропольскій, Ив.** Москва въ 1812 году. Историческій разсказъ. Съ рисунк., ц. 10 к.

№ 78. **Его же.** Находка. Историческій разсказъ. Съ рисунками, ц. 10 к.

№ 79. **Его же.** Улей. Разсказъ. Съ рисунками, ц. 5 к.

№ 80. **Смирновъ, Ил.** Христославы. Разсказъ. Съ рисунками, ц. 10 к.

Библіотека сказокъ.

№ 1. Шесть лебедей. Сказка бр. Гриммъ. Съ рис. М. 99 г., ц. 3 к.

№ 2. Король Дроздова Борода. Сказ. бр. Гриммъ. Съ рис. М 99 г., ц. 3 к.

№ 3. Воронъ. Сказ. бр. Гриммъ. съ рис. М. 99 г., ц. 3 к.

№ 4. Бѣлолицая невѣста и сестра ея Чернавка. Сказ. бр. Гриммъ. Съ рис. М. 99 г., ц. 3 к.

№ 5. Вѣщая птичка. Сказка бр. Гриммъ. Съ рис. М. 99 г., ц. 3 к.

№ 6. **Андерсенъ.** Сидень. Сказ. Съ рис. М. 99 г., ц. 10 к.

№ 7. Его же. Садовникъ и его господинъ. Сказ. Съ рис М. 99 г., ц. 5 к.

№ 8. Его же. Золотой кладъ. Сказ. Съ рис. М. 99 г., ц. 10 к.

№ 9. Его же. Камень мудрости. Сказ. Съ рис. М. 99 г., ц. 10 к.

№ 10. Его же. Дикіе лебеди. Сказ. Съ рис. М. 99 г., ц. 5 к.

№ 11. **Жоржъ-Зандъ.** Заколдованный или говорящій дубъ. Сказ. Съ рис. М. 99 г., ц. 15 к.

№ 12. **Ея же.** Грибуль. Сказ. Съ рис. М. 99 г., ц. 30 к. Лучшее изд. ц. въ папкѣ 75 к.

№ 13. **Бр. Гриммъ.** Волкъ и семеро козлятъ. М 99 г., ц. 3 к.

№ 14. **Его же.** Мальчикъ съ пальчикъ. М 99 г., ц. 5 к.

№ 15. **Его же.** Золушка. М. 99 г. ц. 3 к.

№ 16. **Его же.** Бѣлоснѣжка и Розочка. М. 99 г., ц. 3 к.

№ 17. **Лукьяновскій.** Царевна-лягушка, ц. 10 к.

№ 18. **Его же.** Засохшая вѣтка, ц. 5 к.

№ 19. **Языковъ.** Жаръ-Птица. Драм. сказ., ц. 10 к.

№ 20. **Андерсенъ.** Соловей. Сказка съ рисунк., ц. 10 к.

№ 21. **Его же.** Мать. Сказка, ц. 5 к.

№ 22. **Его же.** Царевна Русалка. Сказка, ц. 10 к.

Цѣна 20 коп.

2010515018